

Глава II

Вооруженные террористические группировки в Афганистане

Екатерина Степанова и Джавид Ахмад

С начала 21-го века Афганистан входит в тройку стран, в которых проблема терроризма стоит острее всего в мире. В этот период по масштабу и уровню террористической активности Южная Азия уступала только Ближнему Востоку. Однако в 2016-2018 гг. южно-азиатский регион вышел на первое место в мире по уровню терроризма, причем более 90% совершенных там терактов пришлось на Афганистан и Пакистан⁵³.

Хотя Афганистан считается одним из основных источников террористической угрозы, он в то же время является и одной из главных жертв терроризма. Более того, с начала 21-го века по 2019 год Афганистан пострадал от терроризма больше всех остальных стран, за исключением Ирака. За период с 2010 года число терактов в Афганистане выросло в 2,7 раз, а с 2000 года – в 103 раза (см. Рис. 1)⁵⁴. В 2001-2017 гг. в терактах в этой стране погибло 32000 человек, причем только за период с 2012 по 2017 гг. прирост числа убитых составил 70%⁵⁵. В 2017 году Афганистан впервые в 21 веке опередил Ирак по количеству жертв терроризма: на его долю пришлось

4653 убитых в терактах, или четверть всех погибших от рук террористов в мире; в 2018 г. это число возросло до 7379⁵⁶. Терроризм нанес тяжкий удар и по экономике страны. Так, в 2017 году Афганистан впервые опередил Ирак по масштабу экономического ущерба от терроризма, который составил 12,8% валового внутреннего продукта (ВВП)⁵⁷.

Однако на деле ситуация в Афганистане является еще более тревожной. Даже высокий уровень терроризма меркнет по сравнению с основным источником насилия: застарелым вооруженным конфликтом, который ведет к наибольшему числу людских потерь. Потери, в том числе среди гражданского населения, понесенные непосредственно в ходе и в результате боевых действий в Афганистане, значительно превышают число убитых в терактах. По данным Миссии Организации Объединенных Наций по содействию Афганистану (МООНСА), до 90% жертв среди гражданских лиц – это люди, погибшие в результате боевых действий, и лишь 10% были убиты в ходе преднамеренных терактов против гражданского населения со стороны

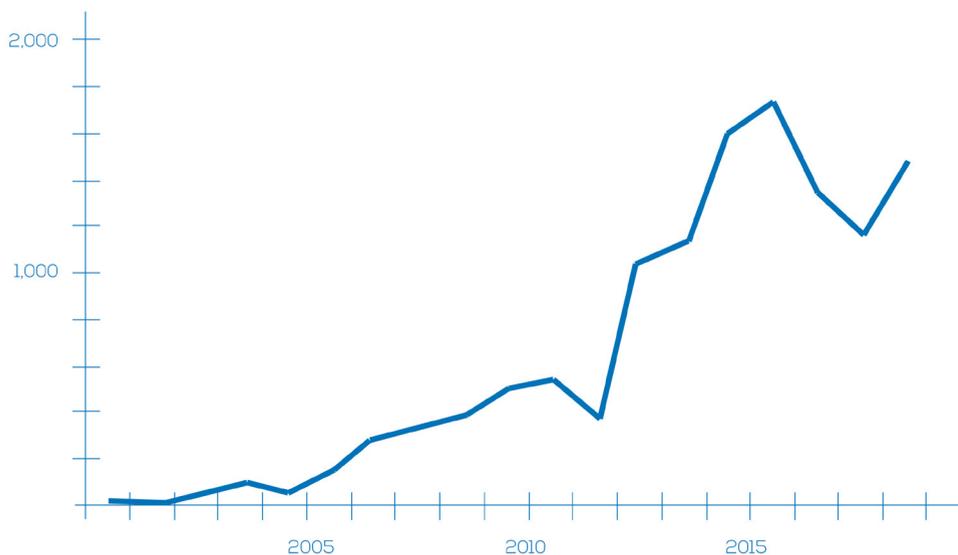
53 Global Terrorism Database (GTD). National Consortium for the Study of Terrorism and Responses to Terrorism (START). University of Maryland. Version 2019. <https://www.start.umd.edu/gtd/>.

54 Ibid.

55 Global Terrorism Index 2018 (GTI-2018): Measuring the Impact of Terrorism. – Sydney: Institute for Economics and Peace, 2018. P. 13, 18, 20. <http://visionofhumanity.org/app/uploads/2018/12/Global-Terrorism-Index-2018-1.pdf>.

56 Ibid. P. 4.; Рис. 1. С. 25.; Рис. 2. С. 34; Global Terrorism Index 2019 (GTI-2019): Measuring the Impact of Terrorism. – Sydney: Institute for Economics and Peace, 2019. P.2. <http://visionofhumanity.org/app/uploads/2019/11/GTI-2019web.pdf>.

57 GTI-2018. P. 29.

Рисунок 1. Терракты в Афганистане в 2000-2018 гг.

Источник: Глобальная база данных по терроризму за 2019 г.

антиправительственных элементов⁵⁸. В то же время, как и во многих других очагах конфликтов – таких как Ирак, Нигерия, Ливия, Сомали или Сирия, – в Афганистане тенденции в области терроризма в целом соответствовали динамике более широкого вооруженного конфликта и людских потерь ходе боевых действий. Это свидетельствует о сильной зависимости роста террористической активности от эскалации конфликта в Афганистане и подчеркивает роль терроризма как важной составляющей и одной из тактик более широкого вооруженного противостояния. Это также означает, что попытки решить проблему терроризма в Афганистане вряд ли будут успешными без решения основного вопроса – урегулирования вооруженного конфликта.

Хотя в настоящее время в Афганистане действует целый ряд вооруженных террористических группировок, на двух из них следует остановиться особо.

а) «Талибан». Эта вооруженная организация остается самым многочисленным и многолетним повстанческим движением, действующим в Афганистане с 1990-х годов. С

2001 года талибы вели вооруженную борьбу против иностранного военного присутствия в Афганистане, а также за восстановление исламского правления в русле ханафитского фундаментализма.

б) Исламское государство Ирака и Леванта— провинция Хорасан (ИГИЛ-Хорасан). Эта группировка появилась в Афганистане в конце 2014 года и представляет собой афганское отделение так называемого Исламского государства, известного также под аббревиатурой ИГИЛ, или ДАИШ (араб.). ИГИЛ официально признало ИГИЛ-Хорасан в 2015 году. Группировка исповедует салафизм джихадистского толка, пропагандирует идеологический экстремизм и систему государственного управления радикально-исламистского толка и преследует экспансионистские цели в регионе, продвигая их с помощью вооруженного насилия.

В данной главе эти вооруженные группировки анализируются по двум критериям, с учетом общей направленности доклада:

- Роль терроризма и в целом насилия против гражданских лиц и некомбатантов в деятельности этих группировок, по сравнению с их военными/боевыми операциями (иными словами, является ли для них террористическая деятельность приоритетной по сравнению с атаками на комбатантов и другие военные цели).

⁵⁸ Afghanistan: Protection of Civilians in Armed Conflict. Annual Report 2017 [далее везде UNAMA Annual Report 2017]. UN Assistance Mission in Afghanistan (UNAMA) and UN Office for High Commissioner on Human Rights (UN OHCHR). – Kabul: UNAMA; UN OHCHR, 2018. P. 33-34. https://unama.unmissions.org/sites/default/files/afghanistan_protection_of_civilians_annual_report_2017_final_6_march.pdf.

- Степень реальной угрозы терроризма и насильственного экстремизма, которую эти группировки представляют для других стран, включая страны региона, в том числе соседей Афганистана и, в более широком международном контексте, – Россию и США, а также то, насколько они воспринимаются как угроза этими странами.

Следуя этой логике, глава начинается с анализа ИГИЛ-Хорасан как группировки, преследующей транснациональные цели и связанной с ИГИЛ, своей головной организацией. ИГИЛ-Хорасан руководствуется жесткой, бескомпромиссной идеологией с глобальными амбициями, а в вооруженной активности этой группировки преднамеренные и неизбирательные атаки против гражданского населения преобладают над боевыми операциями (раздел 1). С середины 2010-х годов ИГИЛ-Хорасан, чьи цели выходят за рамки Афганистана и распространяются на территорию других стран региона, стало вызывать серьезную озабоченность в регионе и в мире как источник транснациональных террористических угроз. В разделе 2 рассматривается конгломерат вооруженных негосударственных игроков в одном из районов Афганистана – на «большом севере» страны, граничащем с центральноазиатскими государствами. Многочисленные мелкие вооруженные террористические группировки в северной части Афганистана по своему масштабу, размеру, потенциалу и влиянию не могут соперничать с движением Талибан и ИГИЛ-Хорасан. Тем не менее, вооруженные группировки на севере Афганистана вызывают серьезную обеспокоенность в трансграничном евразийском контексте. Особое беспокойство вызывают высокий уровень оппортунизма и переменчивая лояльность местных группировок, которые, в зависимости от обстоятельств, вступают в альянсы (как с движением Талибан, так и против него), опасные связи части из них с ИГИЛ-Хорасаном или с центральным ядром ИГИЛ (иногда в форме присяги на верность), а также заметное присутствие в рядах талибов и ИГИЛ-Хорасан на севере боевиков центральноазиатского происхождения. Особую обеспокоенность это вызывает у государств Центральной Азии, включая союзников России по Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ).

За разделами, посвященными угрозе ИГИЛ-Хорасан в Афганистане и соседних странах, а также проблемам вооруженного экстремизма на афганском севере, в том числе в трансграничном афгано-центральноазиатском контексте, следует подробный анализ движения Талибан как крупнейшей и наиболее мощной силы вооруженной оппозиции в стране (раздел 3). С одной стороны, хотя приоритетными для талибов оставались именно боевые действия, особенно против Национальных сил обороны и безопасности Афганистана (НСОБА), а их интенсивность росла, они сочетали их с атаками против гражданского населения, в основном с целью подорвать легитимность правительства и посеять политический хаос в столице страны Кабуле.

Талибы также получали финансовую, материально-техническую и организационную помощь из-за рубежа, в том числе от региональных игроков. С другой стороны, в последние годы движение Талибан ограничило свои связи с транснациональными террористическими сетями, сосредоточилось на Афганистане и не применяло вооруженного насилия за его пределами. В то же время, в условиях сложившегося военно-политического тупика в противостоянии правительству Афганистана и его союзникам, США и НАТО, талибы с 2018 года вели прямые переговоры с США в столице Катара Дохе. Параллельно группировка продолжала и даже наращивала военные действия, направленные в основном против правительственных сил Афганистана.

1. ИГИЛ–Хорасан

В то время как, начиная с 2016 года, влияние и территориальный контроль самопровозглашенного «исламского государства» на Ближнем Востоке сокращались, его афганское отделение, ИГИЛ-Хорасан, превратилось в одну из самых опасных террористических группировок. В 2018 году эта сравнительно молодая организация заняла четвертое место в перечне самых опасных террористических группировок мира, пропустив вперед лишь Талибан, ИГИЛ и «Боко харам»⁵⁹.

По показателям насилия в абсолютном измерении ИГИЛ-Хорасан остается второй наиболее активной вооруженной террористической группировкой в Афганистане после движения Талибан⁶⁰. При этом для ИГИЛ-Хорасан основной тактикой насилия стал терроризм, интенсивность которого росла по ряду показателей.

- Группировка ИГИЛ-Хорасан приобрела преимущественно террористический, а не повстанческий характер, так как в ее деятельности все больше доминировали атаки против гражданского населения. По данным МООНСА, 74 из 100 зафиксированных в 2017

⁵⁹ GTI-2019. P. 2.

⁶⁰ Оценка той части террористической активности в Афганистане, которая приходится на ИГИЛ-Хорасан, существенно варьируется в зависимости от методологии и определения терроризма, используемых в тех или иных международных источниках. По данным GTD, в 2017 г. на счету ИГИЛ-Хорасан было около 15% погибших от терроризма в Афганистане. По данным МООНСА за тот же год, от рук боевиков ИГИЛ-Хорасан погибло более 51% всех убитых в результате преднамеренных терактов, направленных против гражданского населения (333 из 650 человек), а в 2018 г. – не менее 30% (566 из 1404 погибших). См. UNAMA Annual Report 2017. P. 33-34; Afghanistan: Protection of Civilians in Armed Conflict. Annual Report 2018. UNAMA and UN OHCHR. – Kabul: UNAMA; UN OHCHR, 2019. P. 25-26. https://unama-missions.org/sites/default/files/unama_annual_protection_of_civilians_report_2018_-_23_feb_2019_-_english.pdf.

году терактов ИГИЛ-Хорасан были направлены против гражданского населения. Более того, из всех вооруженных негосударственных игроков в Афганистане в последние годы именно на долю ИГИЛ-Хорасан пришелся наибольший рост числа атак против гражданских лиц. Также наблюдался резкий и непрерывный рост масштаба потерь среди гражданских лиц в результате атак со стороны ИГИЛ-Хорасан: в 2017 году он составил 11% (более 1000 убитых и раненых среди гражданских лиц), а в 2018 году – 118% (2181 убитых и раненых)⁶¹.

- Хотя на долю ИГИЛ-Хорасан приходится меньше терактов, чем на долю талибов, эти теракты ведут к большему числу жертв и для них характерно более высокое среднее число убитых на один теракт.
- В террористической активности ИГИЛ-Хорасан все сильнее доминируют атаки террористов-смертников и многокомпонентные теракты, которые в совокупности составили около 83% всех терактов группировки в 2017 году и 87% в 2018 году⁶².
- Террористическая деятельность ИГИЛ-Хорасан носила наиболее явный сектарный характер, в соответствии с исповедуемой группировкой экстремистской идеологией салафитско-джихадистского типа. Треть всех терактов ИГИЛ-Хорасан направлена против мусульман-шиитов; на счету ИГИЛ-Хорасан – фактически все нападения на афганских шиитов, совершенные в последние годы.⁶³
- В отличие от военных операций ИГИЛ-Хорасан, которые в основном ограничиваются рядом районов восточной и, в некоторой степени, северной части Афганистана, террористическая активность группировки менее локализована и, по-видимому, претендует на более масштабный, общенациональный охват. Она также имеет наибольший региональный резонанс: два самых смертоносных теракта, совершенных в Южной Азии в 2017 году, были организованы ИГИЛ-Хорасан в Афганистане и Пакистане, соответственно⁶⁴. В 2018 году 75% всех жертв, погибших в результате терактов ИГИЛ-Хорасан, пришлось на Афганистан, 22,7% – на Пакистан и 0,5% – на Индию⁶⁵.

Сложно дать точную оценку масштаба присутствия ИГИЛ-Хорасан в Афганистане, особенно в динамике. Отчасти это связано с разными оценками угрозы со стороны таких игроков, как

правительство Афганистана, страны региона, США и Россия. Непросто также объективно определить, действительно ли та или иная группа в Афганистане разделяет идеологические воззрения ИГИЛ, включая поддержку «халифата» и радикальную салафитскую интерпретацию ислама, или же местные военизированные группировки перенимают внешнюю атрибутику ИГИЛ и присягают ему на верность для того, чтобы повысить собственную значимость. По ряду причин, включая сложности в отслеживании и мониторинге вооруженной, в том числе террористической, активности, ее недостаточно тщательный анализ и нехватку или отсутствие полевых исследований, проведение которых в Афганистане сильно затруднено, значительная часть информации и статистических данных из открытых источников ненадежны или их трудно проверить.

ИГИЛ впервые появилось в афганской провинции Нангархар во второй половине 2014 года, когда разнородный поток боевиков, включая тех, кто уже присягнул на верность или стал сторонником ИГИЛ, перекинулся из Пакистана в Афганистан. Это перемещение стало результатом операции «Зарб-э-Азб» вооруженных сил Пакистана на территории племен в Северном Вазиристане. Одновременно в конце 2014 года стали появляться первые сообщения о смерти основателя движения Талибан Мохаммеда Омара, известного также как Мулла Омар. Смерть Муллы Омара спровоцировала борьбу за власть в рядах руководства талибов и отделение ряда фракций и групп от основного движения. Часть таких отколовшихся талибов была не согласна с курсом нового руководства движения, пришедшего на смену Мулле Омару⁶⁶ и перешла на сторону ИГИЛ⁶⁷. Формирование группировки ИГИЛ-Хорасан во многом представляло собой ребрендинг недовольных бывших талибов, боевиков из других исламистских организаций, новобранцев из числа афганской молодежи и ряда исламистов-выходцев из Центральной Азии и арабов.

С тех пор сторонники ИГИЛ постепенно утвердились в Афганистане под названием «Вилаят Хорасан», или «Исламское государство – провинция Хорасан». Первоначальная зона их присутствия и контроля ограничивалась рядом районов восточных провинций Нангархар и Кунар. По данным независимых наблюдателей, к 2017 году численность ИГИЛ-Хорасан на востоке Афганистана могла достигать

61 UNAMA Annual Report 2018. P. 20-21; UNAMA Annual Report 2017. P. 27.

62 UNAMA Annual Report 2018. P. 21; UNAMA Annual Report 2017. P. 27, 39.

63 UNAMA Annual Report 2017. P. 41-42.

64 В результате этих терактов погибли 93 и 91 человек, соответственно. См. GTI-2018. P. 36.

65 GTI-2019. P. 17.

66 Мулла Омар, легендарный основатель движения Талибан, много лет возглавлявший движение, умер в апреле 2013 г., но информация о его смерти была подтверждена только в июле 2015 г.

67 Первым лидером ИГИЛ-Хорасан был бывший командир пакистанских талибов Хафиз Саид Хан. В 2016 г. он был убит в результате атаки с беспилотника США.

2000 боевиков⁶⁸. На какой-то стадии у ИГИЛ-Хорасан даже появилась своя радиостанция («Голос Халифата»), ежедневно в течение полутора часов транслировавшая пропаганду ИГИЛ. Группировка вступила в вооруженный конфликт с движением Талибан, своим главным конкурентом за территорию и влияние. Однако мало данных о том, откуда ИГИЛ-Хорасан получало материально-техническую и финансовую помощь, поддержкой каких местных вооруженных группировок пользовалось и насколько афганский филиал был подконтролен центральному руководству ИГИЛ в Ираке и Сирии.

В 2016 году США включили ИГИЛ-Хорасан в перечень иностранных террористических организаций. В результате давления со стороны сил безопасности Афганистана, авиаударов США и боевиков из конкурирующих группировок (главным образом талибов), ИГИЛ-Хорасан потеряло контроль над частью ранее занятой им территории на востоке Афганистана и понесло потери в личном составе и ресурсах⁶⁹. К 2018 году численность боевиков ИГИЛ-Хорасан на востоке страны сократилась и находилась в диапазоне от 700 (по данным ВС США) до 1500 человек (по данным афганского правительства)⁷⁰.

Хотя потенциал ИГИЛ-Хорасан на востоке Афганистана удалось сдержать, группировка стала распространять свое влияние и присутствие на другие районы страны⁷¹, формируя взрывоопасную комбинацию из местных радикалов и иностранных боевиков, особенно из Пакистана и Центральной Азии, и начав вооруженную активность в ряде северных и центральных провинций, в том числе в Джаузджане, Фарьябе и Газни.

С одной стороны, помимо нарастающих трений с талибами, распространение экстремистской салафитской трактовки джихада, исповедуемой ИГИЛ-Хорасан, в Афганистане ограничено тем, что большинство афганских суннитов придерживаются ханафитской школы ислама. Хотя у ханафитов есть собственное фундаменталистское течение Деобанди, которого придерживаются талибы,

68 По данным Борхана Османа из международной экспертной сети "Afghan Analysts Network". Цит. по: ISIS in Afghanistan: 'Their peak is over, but they are not finished' // The Guardian. 18 November 2016. <https://www.theguardian.com/world/2016/nov/18/isis-in-afghanistan-their-peak-is-over-but-they-are-not-finished>.

69 Особенно после того, как второй руководитель организации Шейх Абу Хасиб, организатор жестокого нападения на кабульский госпиталь 8 марта 2017 г., был убит ударом с беспилотника в Нангархаре в мае 2017 г.

70 2 U.S. soldiers killed while fighting ISIS militants in Afghanistan // Time. 27 April 2017. <https://time.com/4757554/us-soldiers-killed-isis-afghanistan/>.

71 Так, например, в 2017 г. сторонники ИГИЛ-Хорасан впервые совершили теракт в г. Герате на западе Афганистана.

в религиозно-идеологическом отношении оно отличается от салафизма и ставит под сомнение его ортодоксальность. Культурные и языковые различия между Афганистаном и арабским Ближним Востоком также ограничивают распространение проповедуемой ИГИЛ идеологии джихадизма салафитского толка, в центре которой находится Ближний Восток. В этом смысле ИГИЛ-Хорасан вряд ли могло соперничать с движением Талибан, выросшим на местной, афгано-пакистанской почве, главным образом в лагерях афганских беженцев в Пакистане в 1980-х и 1990-х годах, и с тех пор в той или иной мере пользующимся поддержкой со стороны части местного населения.

С другой стороны, растущая доля терактов в вооруженной активности ИГИЛ-Хорасан свидетельствует о более радикальном характере этого движения, по сравнению с талибами. Кроме того, ИГИЛ-Хорасан изначально продвигало более широкую, транснациональную повестку, нацеленную на создание «регионального халифата» и апеллирующую к другим вооруженным исламистским группировкам в регионе, особенно радикально-салафитского толка. В последнее время дестабилизирующее влияние ИГИЛ-Хорасан наиболее сильно проявилось в четырех формах.

- Прежде всего, из всех филиалов «Исламского государства» ИГИЛ-Хорасан имело особое идеологическое и религиозное значение для руководства ИГИЛ в Ираке и Сирии, которое в начале 2015 года официально объявило ИГИЛ-Хорасан своим первым региональным отделением за пределами арабского мира⁷². Согласно апокалиптической идеологии ИГИЛ, во времена последнего «калифа» именно из «Хорасана» (в исламской трактовке, региона, в состав которого входят Афганистан, Пакистан, Иран и часть Центральной Азии) явится антимессия для финальной битвы добра со злом.
- Во-вторых, распад центрального ядра «Исламского государства» в Сирии и Ираке в результате военных операций, возглавляемых США и Россией, привел к ликвидации системы военно-территориального контроля и квазигосударственного управления ИГИЛ на землях, имеющих ключевое значение для амбициозных планов этого движения по созданию «всемирного халифата». «Исламское государство» адаптировалось к этой реальности; вместо того, чтобы, как раньше, призывать

72 Аудиозапись заявления официального представителя Исламского государства Абу Мухаммада аль-Аднани аш-Шами: Say, "Die in your rage" // Al-Furqan. 26 January 2015. <https://jihadology.net/2015/01/26/al-furqan-media-pres-ents-a-new-audio-message-from-the-islamic-states-shaykh-abu-mu%e1%b8%a5ammad-al-adnani-al-shami-say-die-in-your-rage/>.

боевиков примкнуть к ИГИЛ, отправившись непосредственно на подконтрольную «халифату» территорию в Сирии и Ираке, руководство ИГИЛ обратилось к иностранным боевикам и сочувствующим, включая выходцев из Азии и Евразии, с призывом оставаться и действовать в своих родных странах и регионах. Иными словами, на этом этапе именно региональные франшизы, подобные ИГИЛ-Хорасан, стали основными центрами притяжения транснационального терроризма салафитско-джихадистского толка.

- В-третьих, влияние ИГИЛ-Хорасан в Афганистане и окружающем его регионе вышло за рамки опасных идеологических связей группировки с ядром ИГИЛ на Ближнем Востоке. Агрессивные насильственные методы ИГИЛ в сочетании с использованием новых медийных технологий и активной пропагандой ввели новые стандарты вооруженного исламизма в регионе, вынуждая и другие исламистские группировки эволюционировать в этом направлении. Поначалу даже талибы были застигнуты врасплох внезапным ростом потенциала и влияния ИГИЛ-Хорасан, и для того, чтобы успешно конкурировать с афганским филиалом ИГИЛ на поле вооруженного исламизма, им пришлось соответствующим образом адаптировать свою тактику и пропагандистские приемы.
- В-четвертых, распространение влияния и присутствия ИГИЛ-Хорасан за пределы восточного Афганистана особенно сильно затронуло северные провинции. На севере Афганистана уже десятилетиями действовали вооруженные группировки салафитского толка, в том числе разнородная масса иностранных боевиков в изгнании – выходцев из центральноазиатских республик и других стран региона. Теперь многие из них обратили свои взоры к «Исламскому государству» и ИГИЛ-Хорасан в надежде приобщиться к их бренду, идеологии и пропаганде. По данным официальных российских источников, в 2018 году из общего числа боевиков ИГИЛ-Хорасан в Афганистане, насчитывавшего, по разным оценкам, от 4000 до 10000 человек, уже около половины действовали в северных районах страны⁷³. Эту проблему усугубляли и сообщения о перемещении неопределенного количества иностранных боевиков-террористов (ИБТ), связанных с ИГИЛ, прежде всего, выходцев из Центральной Азии, с утраченных баз в Сирии

и Ираке на север Афганистана (см. следующий раздел).

В целом, несмотря на ограниченный территориальный контроль и вторичную роль ИГИЛ-Хорасан в военных действиях в Афганистане, его растущая террористическая активность и повышенная склонность к насилию против гражданского населения подкреплялись транснациональными целями как минимум регионального уровня и радикальной салафитско-джихадистской идеологией. Хотя задачи и идеология ИГИЛ-Хорасан не пользуются популярностью среди большинства рядовых афганцев, они несут бескомпромиссный характер и не могут служить предметом переговоров. Эта специфика ИГИЛ-Хорасан делает его серьезной проблемой не только для Афганистана, но и для более широкого региона, и прежде всего для центральноазиатских стран и России, особенно с учетом фактора ИГИЛ на севере Афганистана, в том числе в приграничных районах.

2. Вооруженные террористические группировки на севере Афганистане

Вооруженная мозаика на афганском севере

Террористическая угроза со стороны ИГИЛ-Хорасан в Афганистане, в том числе появление и активность его сторонников на севере страны, не должна затенять – и кардинально не изменила – общую картину вооруженно-террористической среды в этой части страны. На протяжении всего начала 21-го века ситуация в сфере вооруженного насилия на «большом севере» Афганистана отличалась высокой степенью раздробленности и фрагментации и представляла собой пеструю мозаику, состоявшую из множества антиправительственных элементов – негосударственных игроков разного типа и размера. Эти группировки, в состав которых входили боевики как местного, так и центральноазиатского происхождения, а также выходцы из других стран, вовлечены в нескончаемый цикл пересечений, слияний, возникновения новых групп или их распада, и вооруженного соперничества между собой.

С конца 2000-х годов влияние талибов, основной базой которых оставались юг и юго-восток страны, стало распространяться и на северные провинции. Одни мелкие, раздробленные вооруженные группировки на севере перешли на сторону движения Талибан, другие конфликтовали с ним. К середине 2010-х годов среди таких группировок на севере Афганистана можно выделить некоторое число боевиков Исламского движения Узбекистана (ИДУ) – группировки центральноазиатского происхождения, которая вела вооруженную активность на афганском севере еще с конца 1990-х годов – до тех пор, пока после военной интервенции в Афганистан 2001 г. во главе с США, оставшиеся бойцы ИДУ были

73 Заявление заместителя министра иностранных дел по вопросам противодействия терроризму Олега Сыромолотова, цит. по: Север Афганистана превращается в опорную базу международного терроризма, заявили в МИД // РИА Новости. 4 мая 2018 г. <https://ria.ru/20180504/1519906689.html>.

вынуждены перебраться в пакистанскую «зону племен»⁷⁴. Впоследствии часть членов ИДУ, включая боевиков как первого, так и второго поколения, передислоцировались из Пакистана обратно на север Афганистана. Из других групп можно отметить Исламскую партию Туркестана* (которая периодически сливалась с ИДУ), Союз исламского джихада (ранее отколовшийся от ИДУ), «Хетоб» и «Таш» в районах вдоль границы с Туркменистаном, так называемый центральноазиатский Талибан и Моджахедов Центральной Азии, уйгурскую группировку «Хелафат», казахскую «Фата» в провинции Кундуз и киргизскую «Калкалы» в провинции Бадахшан⁷⁵. Многообразие и динамику этих вооруженных игроков на севере Афганистана, даже тех, чья активность выходит за рамки одного-двух районов той или иной провинции, включая несколько более крупных игроков (таких, как Талибан, ИГИЛ-Хорасан и ИДУ), отследить непросто – в силу переменчивого характера, частой смены названий и места дислокации тех или иных группировок и т. д. Любая попытка зафиксировать эту пеструю мозаику вооруженно-террористических акторов на севере Афганистана на тот или иной конкретный момент уже спустя короткое время может устареть и потерять актуальность.

ИГИЛ-Хорасан, другие связанные с ИГИЛ группировки и релокация ИБТ

Масштаб влияния ИГИЛ-Хорасан и передислокации его боевиков на север Афганистана, за пределы изначальной зоны базирования группировки на востоке страны, остается предметом дискуссий. В конце 2010-х годов не вызывали сомнений, пожалуй, лишь три параметра, характеризующих потенциал ИГИЛ на афганском севере.

- а)** Вооруженная активность связанных с ИГИЛ боевиков в основном проявлялась в четырех провинциях: Фарьяб, Джаузджан, Сари-пуль и Бадахшан.
- б)** В составе группировок, поднявших флаг ИГИЛ, было немало боевиков-выходцев из Центральной Азии⁷⁶.
- в)** Общая численность боевиков на севере страны, связанных с – или находившихся под влиянием

74 Подробнее см. Stepanova E. Islamism terrorism in the Caucasus and Central Asia // *After the War on Terror: Regional and Multilateral Perspectives on Counterterrorism Strategy*. Ed. by Alex Schmid and Garry Hindle. – London: RUSI Books, 2009. P. 104-124.

75 Подробнее см. Giustozzi A., Reuter C. *The Insurgents of the Afghan North*. – Kabul: Afghan Analysts Network, 2011; Stepanova E. *The ISIS Factor in Afghanistan: How Much of a Challenge for Russia?* Eurasia.org, Saltzman Institute of War and Peace Studies and OSCE Academy in Bishkek. Bishkek Project Memo. March 2017. <https://bishkekproject.com/memos/21>.

76 Experts note growing numbers of IS militants from Central Asia in Afghanistan // *Sputnik Tajikistan*. 13 February 2018. <https://tj.sputniknews.ru/world/20180213/1024733934/eksperty-otmechayut-rost-afganistan-boevikov-ig-entral-asia.html>.

ИГИЛ, в 2018 году оценивалась в диапазоне от 2000 до 5000 человек⁷⁷.

Остальные вопросы, связанные с присутствием ИГИЛ на афганском севере, включая степень угрозы, которую ИГИЛ-Хорасан представляет для самого Афганистана, региона и международной безопасности в целом, нуждаются в более внимательном изучении и уточнении.

Фактор ИГИЛ на севере Афганистана лишь частично связан с передислокацией ограниченного числа боевиков ИГИЛ-Хорасан с востока страны, где группировка испытывала все более жесткое давление со стороны сил безопасности и переживала определенные внутренние трения⁷⁸. При этом ограниченная передислокация боевиков ИГИЛ-Хорасан из восточных провинций не привела к образованию полноценного филиала ИГИЛ на севере страны, равноценного «вилаяту Хорасан» на востоке, и не могла сравниться с более устойчивым влиянием талибов в этой части страны.

В то же время на севере Афганистана наблюдались два других феномена, имеющих отношение к ИГИЛ:

1. Распространение в этой части страны, особенно в провинциях Гор, Джаузджан и Сари-пуль, вооруженных элементов игиловского типа, не являющихся частью ИГИЛ-Хорасан, но, по определению МООНСА, «идентифицирующих себя с ДАИШ»;
2. Возвращение или передислокация в регион иностранных боевиков-террористов (ИБТ) с основных территорий ИГИЛ в Сирии и Ираке.

Примером группировок первого типа и убедительной иллюстрацией существования реальной угрозы ИГИЛ на севере страны стал территориальный мини-анклав ИГИЛ в Джаузджане под руководством Кари Хекмата. Анклав просуществовал почти два года, и ему удалось расширить свое влияние и на часть провинции Фарьяб – до того, как в апреле 2018 года Хекмат был убит в результате удара с американского беспилотника. Впервые «самоопределившийся» межэтнический анклав ИГИЛ установил контроль над несколькими районами в двух провинциях, имел под ружьем сотни боевиков и смог успешно отразить несколько атак талибов.

С одной стороны, этот «островок ИГИЛ» отличался от типичных для афганского севера оппортунистически

77 См. сноску 73.

78 Например, по некоторым данным, после смерти в 2017 году лидера ИГИЛ-Хорасан Абу Хасиба центральноазиатские боевики в составе группировки отказались признать в качестве нового лидера пакистанца, подозревая его в связях с пакистанскими разведслужбами. См. Obaid A. *Precairous Consolidation: Qari Hekmat's IS-affiliated "Island" Survives Another Taliban Onslaught*. Afghan Analysts Network. 4 March 2018. Footnote 1. <https://www.afghanistan-analysts.org/precairous-consolidation-qari-hekmats-is-affiliated-island-survives-another-taliban-onslaught/>.

*«Исламская партия Туркестана» (бывшее «Исламское движение Узбекистана») террористическая организация, запрещенная в Российской Федерации (далее – везде). См: Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими (на 23 июля 2020 г.). Федеральная служба безопасности Российской Федерации. <http://www.fsb.ru/fsb/npd/terror.html>.

настроенных групп боевиков, «лояльных» ИГИЛ лишь формально. В отличие от них, для формирования во главе с Хекматом влияние ИГИЛ не ограничивалось лишь символикой и внешней атрибутикой. Оно проявлялось в следующих особенностях группировки:

- а) В формировании теневой системы административного управления, с использованием арабских названий для ее соответствующих подразделений;
- б) В ужесточении насилия, с применением особо жестоких методов, характерных для центрального ядра ИГИЛ – таких, как обезглавливание жертв и поджог религиозных святынь;
- в) В превращении анклав в убежище для вооруженных радикалов из других районов северного Афганистана; ограниченном присутствии в рядах группировки ряда иностранных боевиков, в основном выходцев из центральноазиатских стран, присягнувших на верность именно центральному ИГИЛ, а не его «хорасанскому» филиалу. Среди примкнувших к сторонникам Хекмата боевиков были, например, остатки группировки «Джундулла», ранее отколовшейся от ИДУ и рагромленной талибами⁷⁹.

С другой стороны, даже этот мини-анклав в Джаузджане, созданный по образу и подобию ИГИЛ, а) сумел взять под контроль лишь наиболее отдаленные и труднодоступные районы провинции; б) не имел явных связей с ядром ИГИЛ-Хорасан в Нангархаре на востоке страны и даже отдаленно не мог сравниться с ним по численности и масштабу; в) во многом сумел выжить и просуществовать какое-то время лишь благодаря раздробленности и слабой координации между силами талибов в этих районах, в результате чего подразделениям Хекмата удалось переманить на свою сторону ряд конъюнктурно настроенных полевых командиров, и г) не имел достаточно сил даже для того, чтобы отбить у правительственных сил районные центры, и, соответственно, не оказал какого-либо существенного влияния на стратегический баланс сил на севере Афганистана. К концу 2018 г. анклав был разбит талибами.

Вторая проблема – перемещение на север Афганистана иностранных боевиков-террористов (ИБТ) с Ближнего Востока – заслуживает особого внимания. После разгрома ядра ИГИЛ передислокация ИБТ из Сирии и Ирака стала крупным источником живой силы для движения «глобального джихада» и гарантом непрерывной смены поколений джихадистов не только на Ближнем Востоке, но и в Европе, Евразии и Азии на годы вперед. При этом спасающиеся бегством боевики, прошедшие Сирию и Ирак, совершенно не обязательно возвращаются в свои родные страны.

Помимо Ближнего Востока, Евразия является одним из двух других регионов, откуда в Сирию и Ирак

отправилось наибольшее число ИБТ (еще одним таким регионом является Европа). К началу 2017 года общее число ИБТ из постсоветской Евразии в Сирии и Ираке составляло 8500–9000 человек⁸⁰. По данным директора Федеральной службы безопасности России Александра Бортникова, по состоянию на октябрь 2019 года число ИБТ только из России достигло около 5500 человек⁸¹. Из-за высокой вероятности ареста, сурового наказания и в целом жесткого контроля со стороны силовых структур и правоохранительной системы в родных странах, доля ИБТ, вернувшихся как в Россию (337 человек, или 6% по состоянию на октябрь 2019 г.)⁸², так и в Центральную Азию (5,6% к середине 2018 г.) была гораздо ниже, чем в среднем по миру⁸³ (для сравнения, например, доля ИБТ, вернувшихся в Великобританию, была более чем в 10 раз выше, чем в среднем для стран Евразии).

Это означает, что в ближайшем будущем большая часть оставшихся в живых русскоговорящих и других ИБТ из Евразии, скорее всего, не вернется домой, а уже находится или передислоцируется в третьи страны. Хотя многие из них перебрались и перебираются в другие страны Ближнего Востока и, в меньшей степени, в Европу, для части ИБТ, особенно для выходцев из Центральной Азии, одним из наиболее вероятных пунктов назначения в Азии стал северный Афганистан. Эта область привлекает их по ряду причин, включая географическую близость к родному региону, этнические родство с афганскими таджиками, узбеками и туркменами, многолетнее присутствие разнородной массы вооруженных исламистов на севере и слабый контроль над границей Афганистана с центральноазиатскими странами.

Перемещение ИБТ, в основном центральноазиатского происхождения, из Сирии и Ирака на север Афганистана, не следует путать с сформировавшемуся за несколько лет до их возвращения местным афганским филиалом ИГИЛ – «вилаятом Хорасан». Точно оценить общее число ИБТ, перебравшихся из Сирии и Ирака, их соотношение с местными боевиками ИГИЛ и численность на севере Афганистана – задача не из легких. В любом случае

---

80 Владимир Путин: в Сирии находятся до девяти тысяч боевиков из бывшего СССР // Коммерсантъ. 23 февраля 2017 г. <https://www.kommersant.ru/doc/3227219>.

81 ФСБ: установлены 5,5 тысячи россиян, выехавших воевать в рядах террористов // РИА Новости. 16 октября 2019 г. <https://ria.ru/20191016/1559839880.html>.

82 Там же.

83 По данным Международного центра по изучению радикализации и политического насилия (Великобритания), из 41490 ИБТ, уехавших в Сирию и Ирак с апреля 2013 г., к июню 2018 г. в свои страны вернулись 7366 человек. При этом из 5954 ИБТ центральноазиатского происхождения домой вернулись не более 338 человек. Cook J., Vale G. From Daesh to 'Diaspora': Tracing the Women and Minors of the Islamic State. – London: International Centre for the Study of Radicalisation (ICSR), 2018. P. 4, 14-15.

среди таких перемещенных ИБТ доминировали боевики центральноазиатского происхождения – выходцев из других регионов, которые начали появляться на севере страны с конца 2017 года, было мало. Однако, даже если численность центральноазиатских джихадистов, перебравшихся из Сирии и Ирака на север Афганистана, насчитывает несколько сотен, они все равно представляют собой угрозу безопасности Афганистана и государств Центральной Азии. Более того, эта проблема остается предметом беспокойства для России и таких региональных структур безопасности, как ОДКБ и ШОС, в состав которых входят и Россия, и центральноазиатские республики.

Значение для Центральной Азии и России

Потенциальный переток транснационального вооруженного экстремизма из северного Афганистана, в первую очередь, угрожает государствам Центральной Азии – сильнее, чем России. Однако в более широком смысле эта угроза касается и России как макрорегиональной евразийской державы, кровно заинтересованной в сохранении стабильности в Центральной Азии. Россия является основным военно-политическим союзником трех из пяти центральноазиатских государств, напрямую участвует в обеспечении безопасности и располагает определенным силовым присутствием в регионе.

Риск прямого перетока нестабильности и проникновения вооруженного экстремизма из северной части Афганистана в Центральную Азию и за ее пределы не следует переоценивать. В начале 21-го века центральноазиатские страны служили ареной разных форм и проявлений насилия межэтнического и межобщинного толка, а также массовых социально-экономических протестов. При этом уровень терроризма как такового в центральноазиатском регионе оставался низким и в 2010-е годы продолжал снижаться. В 2019 году Таджикистан (наиболее затронутый угрозой терроризма из всех центральноазиатских стран) занимал только 50-е место по шкале Глобального индекса терроризма, в то время как Россия находилась на 37-м месте, а США – на 22-м⁸⁴.

Прямые трансграничные рейды боевиков-исламистов из Афганистана в Центральную Азию и обратно представляли собой более серьезную угрозу в 1990-е – начале 2000-х годов. Хотя трансграничные угрозы сохранили актуальность вплоть до последнего времени, они в основном связаны с криминальным трафиком. Кроме того, степень угрозы «выплескивания» вооруженного насилия и терроризма с севера Афганистана – разная для разных стран региона. Так, если для Узбекистана и Кыргызстана в последние годы эта угроза была невелика, то перед Таджикистаном и Туркменистаном стоят более серьезные вызовы в сфере безопасности,

связанные с Афганистаном⁸⁵.

Для Таджикистана не исключен риск трансграничных рейдов со стороны вооруженных экстремистов, в особенности выходцев из Центральной Азии, базирующихся в северных афганских провинциях Кундуз, Тахар и Баглан. С одной стороны, относительно более крупные вооруженные формирования на севере Афганистана конфликтуют друг с другом, что не позволяет им собрать сколько-нибудь значительные силы для масштабного вторжения на таджикскую территорию. С другой стороны, это не исключает эпизодических пересечений афгано-таджикской границы небольшими вооруженными группами или пограничные столкновения с участием контрабандистов. Любые волнения или беспорядки в Бадахшане, по обе стороны гористого участка афгано-таджикской границы, также могут иметь трансграничные аспекты. Однако угрозы эти необходимо рассматривать в контексте российского военного присутствия в Таджикистане и членства Таджикистана в ОДКБ.

С середины 2010-х годов для Туркменистана, имеющего длинную, слабо охраняемую общую границу с Афганистаном, также обострились угрозы, связанные с активизацией вооруженных экстремистских группировок в Джаяузджане. Тем не менее, несмотря на ограниченные ресурсы Туркменистана в сфере безопасности, Ашхабаду долгие годы удается сохранять нейтралитет и рабочие отношения как с афганским правительством в Кабуле, так и с талибами.

В более широком плане, географическая близость евразийского региона к Афганистану повышает степень угрозы вооруженных конфликтов и терроризма и остается важным фактором риска. Этот риск усугубляется активной трансграничной циркуляцией на большей части Евразии, которой способствует безвизовый режим между Россией и центральноазиатскими государствами и слабость или отсутствие контроля над границами Афганистана. Кроме того, даже после разгрома ядра ИГИЛ в Сирии и Ираке насаждаемые ИГИЛ идеология и пропаганда «глобального джихада» остаются серьезной проблемой.

Помимо радикализации автономных ячеек радикально-исламистского толка в странах Евразии путем пропаганды, распространяемой как в онлайн-режиме, так и напрямую, к двум другим вызовам со стороны ИГИЛ для Центральной Азии и России относятся возвращение с Ближнего Востока некоторого числа ИБТ евразийского происхождения и прямой переток вооруженного экстремизма из соседних стран и регионов, прежде всего

85 Подробнее см. Главу 3 данного доклада, а также Stepanova E. Russia's policy on Afghanistan // The Central Asia – Afghanistan Relationship: From Soviet Intervention to the Silk Road Initiatives. Ed. by Marlene Laruelle. – New York, NY: Lexington Books/Rowman & Littlefield, 2017. P. 89-114.

из Афганистана и Пакистана. Ситуация в сфере вооруженного насилия на севере Афганистана, где действует множество раздробленных группировок, включая боевиков-выходцев из Центральной Азии, усугубляется релокацией в этот регион ряда ИБТ центральноазиатского происхождения. По отдельности эти угрозы могут представляться ограниченными, однако в совокупности они составляют серьезную проблему в сфере безопасности для Центральной Азии и России.

3. Движение Талибан

Спустя почти девятнадцать лет после того, как интервенция во главе с США в Афганистане, предпринятая в ответ на теракты Аль-Каиды 11 сентября 2001 г., положила конец режиму талибов, Талибан остается главным и самым крупным повстанческим движением в стране. В ходе вооруженного противостояния талибы нанесли рекордные людские потери афганским правительственным силам. С годами движение лишь поступательно наращивало свой военный потенциал, постепенно расширяя свою зону влияния и контроля на территории страны. Под руководством своего нового лидера Мавлави Хайбатуллы Ахундзады, возглавляющего афганских талибов с 2016 года, движению Талибан удалось восстановиться после краткого переходного периода и внутренних тренировок, последовавших за смертью его основателя Муллы Мохаммеда Омара. Хотя начавшийся в конце 2014 года подъем ИГИЛ-Хорасан вновь привлек международное внимание к проблеме афганского терроризма, он же привел к некоторой переоценке внешними игроками роли талибов как основной силы вооруженной оппозиции и главного конкурента всех террористических группировок в Афганистане, включая ИГИЛ-Хорасан. Это позволило движению Талибан обратить конфликт с ИГИЛ-Хорасан себе на пользу: на фоне игиловцев талибы выглядели более аутентичной и менее радикальной афганской силой, не преследующей целей региональной экспансии.

Эволюция движения Талибан как комбатанта

На протяжении 2010-х годов движение Талибан оставалось одной из основных сторон войны в Афганистане. В 2002-2018 годах общее число погибших в результате боевых действий в вооруженном конфликте между афганским правительством, которое поддерживали США и НАТО, и талибами превысило 140000 человек (см. Рис. 2)⁸⁶. Талибы постепенно наращивали интенсивность боевых действий и расширяли зону своего присутствия и контроля. По некоторым оценкам, к 2018 году талибы либо вели военные действия, либо располагали тем или иным уровнем военного присутствия почти в 70% провинций

Афганистана⁸⁷. Хотя точные, верифицируемые данные об общей численности вооруженных формирований талибов отсутствуют, в среднем в рядах движения на постоянной или временной основе сражалось около 40000 боевиков⁸⁸.

В последние годы Талибан из движения, которое в основном использовало тактику партизанских набегов, трансформировался в более конвенциональную и активную боевую силу. К другим направлениям эволюции повстанческого движения относятся:

- Смена поколений боевиков и полевых командиров на местах. Большинство лидеров талибов старшего поколения были либо устранены в результате постоянных внутренних расколов, либо погибли или были арестованы, либо умерли по естественным причинам. Та же тенденция наблюдается и на уровне местных полевых командиров: на смену погибшим или попавшим в плен все чаще приходят представители молодого поколения боевиков, часто из тех же семей и кланов, но, как правило, более активные и бескомпромиссные. В результате командные позиции у талибов все чаще занимает молодежь, недавно окончившая медресе в Пакистане и не имеющая ни представления об историческом опыте движения Талибан в 1990-е годы, ни доступа к нынешнему руководству движения. Эти местные командиры жаждут власти и проявляют больше самостоятельности на поле боя.
- В последние годы, особенно после официального подтверждения талибами смерти Муллы Омара, в рамках движения Талибан стала наблюдаться тенденция к децентрализации. Хотя масштаб децентрализации остается предметом дискуссий, создается впечатление об усилении разногласий между сторонниками жесткой линии, с одной стороны, и более

87 Sharifi S., Adamou L. Taliban threaten 70% of Afghanistan, BBC finds // BBC World Service. 31 January 2018. <https://www.bbc.com/news/world-asia-42863116>.

88 По состоянию на сентябрь 2018 г., максимальная оценка Министерством обороны США численности талибов составляла 40000 боевиков, включая 5000 членов группировки «Хаккани». Operation Freedom's Sentinel: Lead Inspector General Report to the United States Congress, July 1, 2018 – September 30, 2018. U.S. Department of Defense Office of the Inspector General (OIG). – Alexandria, VA: OIG, 19 November 2018. P. 22. https://media.defense.gov/2018/Nov/19/2002064398/-1/-1/1/FY2018_LIG_OCO_OF%20SEPT2018.PDF.

86 Uppsala Conflict Data Program (UCDP)/Peace Research Institute, Oslo (PRIO) Armed Conflict Dataset. Version 19.1. <https://ucdp.uu.se/>.

Рисунок 2. Потери убитыми в ходе боевых действий между правительством Афганистана (при поддержке США и НАТО) и талибами, 2002–2018 гг.

Источник: Uppsala Conflict Data Program (UCDP)/Peace Research Institute, Oslo (PRIO) Armed Conflict Dataset, Version 19.1.

умеренного курса, с другой⁸⁹. Движение в целом также становится все менее однородным в этническом и региональном отношении, – на данном этапе в его состав входят пуштуны, афганские таджики и узбеки, хазарейцы, арабы, выходцы из Центральной Азии и другие. Особое беспокойство вызывают такие экстремистские фракции, как печально известная группировка «Хаккани», под контролем которой находится до 15% боевиков, входящих в состав движения Талибан или связанных с ним. Влияние «Хаккани» сильнее в районах на пакистанской стороне границы, но распространяется и на ряд небольших формирований талибов в Афганистане, которым группировка оказывает разного рода поддержку.

- В отличие от прошлых лет, в настоящее время талибы располагают целым набором более современного оружия и военной техники. Более того, некоторые отряды талибов оснащены лучше, чем большинство подразделений афганской полиции. Талибы создали свой мобильный спецназ, включая спецподразделение «Красная бригада». Эта группа хорошо экипирована и вооружена, имея в своем распоряжении снайперские

⁸⁹ Участники Российско-американской рабочей группы ИВЗ по контртерроризму в Афганистане, включая авторов данной главы, разошлись во мнениях по вопросу о степени консолидации в рядах движения Талибан; нет единого мнения по этому вопросу и среди американских членов группы. Например, трехдневный режим прекращения огня, объявленный руководством талибов в июне 2018 г., строго соблюдался как командирами на местах, так и рядовыми боевиками, что свидетельствует о довольно высокой степени контроля центрального руководства над движением в целом.

винтовки, штурмовые винтовки М-4 с лазерным прицелом, приборы ночного видения, малые разведывательные беспилотники, специальные головные уборы, телескопические прицелы импортного производства, сложные средства связи и бронированные военные джипы, которые талибы используют в качестве «троянских коней» для того, чтобы попасть на базы, которые они планируют атаковать. Большую часть этой техники они либо приобретают в соседних странах, либо захватывают у афганских вооруженных сил. Кроме того, талибы разработали настоящий военный порядок развертывания и ротации сил: боевики сначала проходят подготовку, потом перебрасываются в район ведения боевых действий, а затем отводятся на безопасные позиции, часто на пакистанской стороне границы⁹⁰.

- Талибы также наращивают свой информационно-пропагандистский потенциал, а также совершенствуют методы проведения психологических операций и сбор разведывательной информации, особенно агентурную работу и сети информаторов. Талибы активно практикуют сбор оперативной информации из открытых источников, в том числе из публичных докладов государственных органов США, других ведомств, организаций и экспертно-аналитических центров, и ведут масштабные информационно-пропагандистские кампании в социальных сетях, включая «Твиттер».
- Талибы взяли на вооружение эффективную и малозатратную военную стратегию, которая

⁹⁰ Подробнее см. Приложение Б данного доклада.

позволяет им не только дробить афганские правительственные силы но и расширять подконтрольную им территорию. Эта стратегия позволяет движению определять, когда и где атаковать, избегая столкновений с наиболее боеспособными частями афганских вооруженных сил и нанося удары по самым слабым звеньям. В ходе операций талибы применяют одни и те же тактические приемы, включая засады, ловушки, внезапные нападения, скоординированные серии одновременных атак, и все чаще используют снайперов.

Итак, Талибан – это во всех отношениях широкое, активное и эффективное сельское повстанческое движение, не только благодаря своему общенациональному охвату, но и в силу растущей боевой активности против правительства Афганистана и вооруженных сил США/НАТО. Военные операции являются основной формой активности талибов, а их доля в деятельности движения постоянно растет. В 2013-2018 годах число погибших в боевых столкновениях между двумя основными сторонами конфликта в Афганистане – талибами и силами афганского правительства, которые поддерживал иностранный военный контингент, – выросло почти в три раза, причем максимальное число погибших в ходе боевых действий (более 22800 человек) было зафиксировано в 2018 году (см. Рис. 2)⁹¹.

Талибан и насилие против гражданского населения

Наряду с ведением военных действий против правительственных сил, Талибан продолжает оставаться основным вооруженно-террористическим формированием в Афганистане⁹². Об этом свидетельствуют два показателя его вооруженной активности, помимо ударов по военным целям, а также силам и объектам безопасности:

- а) Общее число жертв среди мирного населения, включая гражданских лиц, погибших как в ходе боевых действий, так и в результате терактов.
- б) Преднамеренные атаки, специально направленные против гражданского населения, то есть собственно теракты, а также доля террористической активности в вооруженном насилии со стороны талибов, по сравнению как с их боевыми операциями, так и с террористической деятельностью ИГИЛ-Хорасан.

Общее число погибших от рук талибов среди гражданского населения. По данным МООНСА, в конце 2010-х годов от рук талибов продолжало гибнуть больше гражданских лиц, чем от рук любой другой вооруженной группировки в Афганистане. В 2018 году на счету движения Талибан было 1348

жертв убитыми среди мирного населения и 2724 – ранеными. Это составило 37% от общего числа потерь среди гражданского населения в Афганистане, по сравнению с 20% на счету ИГИЛ-Хорасан⁹³. При этом сами талибы, по обычной для них практике, берут ответственность за в разы меньшее число жертв среди гражданских лиц⁹⁴. В 2018 году масштаб потерь среди мирного населения в результате действий талибов также в 1,6 раз превышал число убитых и раненых в результате действий правительственных сил, включая как афганские, так и иностранные войска, а также проправительственные вооруженные группировки, на общем счету которых – до четверти всех гражданских потерь. В то же время, за последние годы число жертв талибов среди гражданских лиц несколько сократилось: их доля в общей массе потерь среди мирного населения упала на 5%, а в абсолютном выражении – на 7%. При этом лишь половина всех убитых талибами гражданских лиц гибла в результате терактов, т. е. прямых и преднамеренных атак против некомбатантов, тогда как остальные жертвы среди мирных жителей были сопутствующими потерями в ходе боевых операций, или так называемым побочным ущербом⁹⁵.

Терроризм. Из всех известных вооруженных группировок в Афганистане движение Талибан продолжало нести ответственность и за наибольшее число терактов и убитых в терактах. При этом оценки масштаба террористической активности талибов в различных международных источниках существенно разнятся. Так, в 2017 году МООНСА насчитала 535 гражданских лиц, погибших в результате прямых и преднамеренных атак талибов. Оценка экспертов Глобального индекса терроризма за тот же год в 6,7 раз выше, хотя она включает не только жертв среди гражданского населения, но и число погибших среди сотрудников полиции и других сил безопасности⁹⁶. Хотя, по статистике Глобальной базы данных по терроризму, в 2016-2018 годах число терактов со стороны талибов сократилось на 23%, по сравнению с 2015 годом, когда оно достигло пика,⁹⁷ эта тенденция не сопровождалась каким-либо устойчивым снижением числа убитых в терактах⁹⁸. Тем не менее, по данным из наиболее солидных и заслуживающих доверия международных источников можно проследить несколько тенденций, по которым между ними не наблюдается особых разночтений:

93 UNAMA Annual Report 2018. P. 18.

94 Ibid.

95 Ibid. P. 18-26.

96 Ibid. P. 26; GTI-2018. P. 16.

97 GTD, accessed 31 October 2019.

98 По данным МООНСА, в 2018 г. даже наблюдался рост числа погибших в совершенных талибами терактах на 20%, по сравнению с 2017 г.: с 535 до 667 человек. UNAMA Annual Report 2018. P. 26. Footnote 84. Глобальный индекс терроризма зафиксировал рост числа атак талибов на 39% и числа убитых в них на 71%, но большая их часть (53% атак и 59% погибших) была связана с действиями против военнослужащих и сил безопасности, то есть, строго говоря, не может считаться направленной против гражданского населения. GTI-2019. P. 15.

91 UCDP/PRIO Armed Conflict Dataset Version 19.1.

92 По мере спада террористической деятельности ИГИЛ после разгрома его центрального ядра в Сирии и Ираке движение Талибан пришло на смену ИГИЛ в качестве самой смертоносной террористической группировки в мире. GTI-2019. P. 2.

- Число терактов и убитых в терактах составляет лишь малую долю от числа боевых операций талибов и потерь убитыми в ходе военных действий с их участием.
- В последнее время талибы сменили тактику, сосредоточившись на атаках на афганскую полицию и военнослужащих и все реже прибегая к вооруженному насилию против гражданского населения⁹⁹.
- Значительный разрыв в масштабах террористической деятельности, который поначалу наблюдался между талибами и гораздо более молодым и сравнительно небольшим по численности движением ИГИЛ-Хорасан, быстро сокращается, и не «в пользу» талибов. По данным МООНСА, уже в 2018 году число гражданских лиц, преднамеренно убитых боевиками талибов в 2018 году¹⁰⁰, превышало число мирных жителей, погибших от рук более радикального и транснационального ИГИЛ-Хорасан, всего лишь в 1,2 раза.
- В отличие от ИГИЛ-Хорасан, афганские талибы действуют только на территории Афганистана. В последние годы все организованные ими теракты и убитые в терактах фиксировались только в Афганистане¹⁰¹, в основном в южных провинциях Гильменд, Кандагар и Газни¹⁰².

Таким образом, хотя повстанческое движение Талибан продолжает использовать террористические методы в качестве одной из своих тактик, основной формой вооруженного насилия для него являются боевые операции в рамках противостояния афганским правительственным силам, что ограничивает вооруженную активность талибов пределами страны. В более широком плане, характерная для Афганистана степень корреляции между боевыми действиями в ходе вооруженного конфликта и террористической деятельностью – одна из самых высоких в мире – свидетельствует о том, что решить проблему терроризма вряд ли удастся до тех пор, пока не будет урегулирован вооруженный конфликт между афганским правительством и движением Талибан.

⁹⁹ В 2017 г. число атак со стороны талибов, направленных против гражданских лиц и объектов, сократилось на 55%, по сравнению с 2016 г., в то время как число убитых боевиками движения сотрудников полиции за тот же период увеличилось на 34%. GTI-2018. P. 20.

¹⁰⁰ UNAMA Annual Report 2018. P. 26. Footnote 84.

¹⁰¹ GTI-2018. P. 16.

¹⁰² Ibid. P. 20.

Чередование и взаимовлияние насилия и переговоров: американские и российские подходы и значение для США и России

Конфликт в Афганистане зашел в тупик, как с политической, так и с военной точки зрения. Страна подошла к переломному моменту, когда военное решение конфликта в пользу одной из сторон не просматривается ни для правительства Афганистана, ни для движения Талибан.

За последние два десятилетия военное давление на талибов при поддержке сил США и НАТО вкупе с другими видами западной помощи правительству Афганистана не привело ни к стабилизации, ни к миру. Ситуация в сфере безопасности ухудшалась еще до того, как США при администрации Барака Обамы и НАТО официально завершили боевые операции в 2014 году и вывели из страны большую часть своего военного контингента. Патовая ситуация в вооруженном противостоянии между правительством Афганистана и талибами затянулась на неопределенное время. По оценкам Министерства обороны США, афганское правительство сохраняло контроль над наиболее густонаселенными районами и столицами всех провинций, тогда как талибы контролировали значительную часть сельских районов Афганистана и наносили удары по многим районным центрам¹⁰³. Остаток военного контингента США и союзников, который в первые годы президентства Дональда Трампа был даже несколько усилен в количественном отношении, но в 2019 году вновь подвергся сокращениям¹⁰⁴, тем не менее, способствовал сохранению сложившегося тупика, оставаясь гарантией безопасности для афганского правительства. Одним из признаков того, что вооруженный конфликт действительно зашел в тупик, стало первое перемирие в Афганистане с 2001 года – краткое прекращение боевых действий, объявленное обеими сторонами по отдельности, но практически одновременно, во время праздника «Ид аль-Фитр» («Ураза-байрам») в июне 2018 года и встреченное с воодушевлением большинством афганцев.

В 2011 году администрация президента

¹⁰³ Quarterly Report to the United States Congress. SIGAR. – Arlington, VA: SIGAR, 30 January 2019. P. 40, 65. <https://www.sigar.mil/pdf/quarterlyreports/2019-01-30qr.pdf>.

¹⁰⁴ По данным командующего войсками США и НАТО в Афганистане генерал-лейтенанта Остина Скотта Миллера, в 2019 г. число американских военнослужащих в стране сократилось на 2000 и составило около 12000 человек. US is quietly reducing its troop force in Afghanistan // The New York Times. 21 October 2019. <https://www.nytimes.com/2019/10/21/world/asia/afghanistan-troop-reduction.html>.

Обама установила эпизодические контакты с представителями талибов. Еще до этого, в 2010 году, Государственный департамент США исключил движение Талибан из перечня иностранных террористических организаций. Однако лишь в 2018 году, через год после того, как была принята новая Южноазиатская стратегия США, администрация Трампа пересмотрела свою первоначальную позицию в пользу поиска мирного решения афганской проблемы и начала диалог с талибами. Результатом этой смены курса стали прямые переговоры между США и талибами, первые девять раундов которых прошли в период с середины июля 2018 года по август 2019 года. Переговоры шли по четырем основным направлениям:

1. Достижение соглашения о графике и механизме вывода американских войск из Афганистана;
2. Контртеррористические аспекты и, прежде всего, гарантии со стороны талибов о том, что территория Афганистана не будет использоваться террористическими группировками;
3. Сокращение насилия и, в перспективе, всеобъемлющее прекращение огня;
4. Инклюзивный внутриафганский диалог, нацеленный на достижение политического урегулирования.

В августе 2019 года в Дохе стороны согласовали проект соглашения о сроках вывода войск США, а также положения о контртеррористических гарантиях и прекращении огня. Однако год переговоров не повлиял на нежелание талибов вступать в прямые переговоры с правительством Афганистана и не привел к деэскалации насилия со стороны участников конфликта. Напротив, в 2018 году талибы даже активизировали боевые действия, уничтожив рекордное число афганских военнослужащих. Наряду с военными операциями афганских правительственных сил, продолжались и даже стали более интенсивными авиаудары и спецоперации со стороны США.

8 сентября 2019 года президент Трамп отменил готовившийся в обстановке секретности саммит с участием делегации президента Афганистана Гани и талибов, который должен был состояться в Кэмп-Дэвиде. Трамп мотивировал этот шаг терактом в Кабуле ранее на той же неделе, в результате которого погиб американский солдат. Решение Трампа дало зеленый свет президентским выборам в Афганистане, состоявшимся 28 сентября 2019 года. Хотя это явно сыграло на руку Кабулу и особенно кандидату в президенты Ашрафу Гани, занимавшему эту должность на протяжении предыдущих пяти лет, результаты прошедших выборов были оспорены, а их

оглашение откладывалось на протяжении почти пяти месяцев.

Периодические срывы переговорного процесса оказывали негативное влияние на политическую обстановку и ситуацию в сфере безопасности. В политическом отношении отсутствие соглашения о прекращении огня в 2019 году привело к приостановке или отсрочке ряда вариантов и проектов, связанных с переговорами с талибами (отсрочке президентских выборов, формирования временного правительства с участием талибов до выборов и даже, возможно, внесения ряда изменений в конституцию Афганистана). С точки зрения безопасности, любая тупиковая ситуация или пауза в ходе переговоров сопровождалась эскалацией насилия на местах. Впрочем, длительное чередование и взаимовлияние переговоров и продолжающихся военных действий между сторонами конфликта вполне типично и даже неизбежно для большинства процессов перехода от войны к миру.

Срыв переговоров в сентябре 2019 года также оказался лишь временным. Американские переговорщики возобновили региональные консультации по мирному урегулированию, в том числе в формате США-Россия-Китай-Пакистан, а также неофициальные переговоры с афганскими конфликтующими сторонами уже менее чем через месяц и вернулись к диалогу с талибами в декабре 2019 года. В середине февраля 2020 года в переговорном процессе наметился прогресс: представители США и движения Талибан договорились о прекращении огня со стороны сил США, талибов и афганского правительства на недельный срок. Успешное выполнение условий перемирия открыло дорогу подписанию 29 февраля 2020 года официального соглашения между США и движением Талибан¹⁰⁵. Среди прочего, оно включало обязательства со стороны талибов в области контртерроризма и межафганского диалога взамен на вывод американских войск из Афганистана в оговоренные сроки.

18 февраля на фоне этих событий Гани объявил о своем переизбрании на пост президента Афганистана на второй срок, однако этот результат был оспорен его соперником на выборах Абдуллой Абдуллой, который также объявил себя президентом страны. Хотя сложившийся политический тупик привел к отсрочке начала межафганских переговоров, намеченного на 10 марта, 17 мая в результате

¹⁰⁵ Agreement for Bringing Peace to Afghanistan between the Islamic Emirate of Afghanistan which is not recognized by the United States as a state and is known as the Taliban and the United States of America.

компромисса между Гани и Абдуллой было подписано соглашения о разделе власти, в соответствии с которым Абдулла возглавил мирные переговоры с талибами со стороны афганского правительства. Тем временем уже в период после подписания февральской сделки с Соединенными Штатами движение Талибан неоднократно обвиняло США и правительство Афганистана в несоблюдении ее условий. Вне зависимости от соглашения между США и талибами, межафганские переговоры могут затянуться надолго и будут периодически заходить в тупик. В целом переговорный процесс по Афганистану потребует от всех заинтересованных сторон еще много времени и терпения прежде, чем приведет к всеобъемлющему мирному урегулированию ситуации.

Помимо многолетних требований к талибам разорвать связи с международными террористическими организациями как одного из основных условий переговоров с ними, проблема терроризма фигурирует в контексте взаимосвязи и взаимовлияния переговорного процесса и вооруженного насилия еще как минимум в двух видах.

С одной стороны, участие талибов в террористической активности в Афганистане остается серьезным препятствием на пути мирного процесса, причем эта проблема еще более обострится на этапе, когда переговоры выйдут на межафганский уровень. Для того, чтобы движение Талибан стало легитимной национальной политической силой, способной вести переговоры с правительством Афганистана и другими политическими силами в Кабуле, оно должно не только публично откеститься от терактов против гражданского населения, но и прекратить их на деле. Для руководства талибов это непростое решение, так как оно может повлиять на динамику внутри движения и привести к дальнейшей радикализации сторонников жесткой линии. Еще один риск, типичный для начальной стадии мирного процесса, когда он еще очень хрупок, а прогресс на пути к урегулированию конфликта идет медленно и носит ограниченный характер, – это использование терроризма как «спойлерской» тактики. На этой стадии растет вероятность громких терактов с массовыми жертвами либо со стороны как наиболее радикально настроенных элементов внутри более широкого движения, участвующего в переговорах

(так называемых внутренних спойлеров), так и особенно со стороны непримиримых вооруженных игроков («внешних спойлеров», прежде всего, ИГИЛ-Хорасан), которые применяют терроризм в целях дестабилизации и подрыва мирного процесса.

С другой стороны, движение Талибан играет определенную роль и в антитеррористических усилиях и активно способствует противодействию национальным и региональным террористическим угрозам, ведя борьбу против ИГИЛ-Хорасан. Как отмечалось в разделе 1 этой главы, у талибов с самого начала не сложились отношения с их новым и более радикальным соперником в лице ИГИЛ-Хорасан. Движение Талибан также подвергалось жесткой идеологической критике со стороны ИГИЛ, в том числе в ведущих изданиях «Исламского государства», в которых повстанческое движение обозначалось как афганская «националистическая» группировка¹⁰⁶. В последние годы талибы расширили свои операции против ИГИЛ-Хорасан за пределами восточного Афганистана, особенно на севере, и прежде всего, в провинции Джазузджан, где они вели военные действия против анклава ИГИЛ, в том числе в августе 2018 года¹⁰⁷. Американские военные также неоднократно подтверждали, что «Талибан воюет с ИГИЛ, и мы это приветствуем, поскольку ИГИЛ должно быть разгромлено»¹⁰⁸.

106 Подробнее см.: Joscelyn T. The Islamic State's obsession with al Qaeda and the Taliban // The Long War Journal. 20 January 2016. <https://www.longwarjournal.org/archives/2016/01/dabiq-magazine-shows-islamic-state-obsession-qaeda-taliban.php>.

107 Однако заявления талибов о том, что с ИГИЛ-Хорасан на севере «покончено», не соответствуют действительности. Rahim N., Nordland R. Taliban surge routes ISIS in Northern Afghanistan // The New York Times. 1 August 2018. <https://www.nytimes.com/2018/08/01/world/asia/afghanistan-taliban-isis.html>.

108 Заявление генерала армии США Джона Николсона, бывшего командующего афганской операцией США «Решительная поддержка». Resolute Support Press Briefing by U.S. Central Command and Gen. John Nicholson From Kabul. Resolute Support Afghanistan. 24 July 2018. <https://rs.nato.int/resources/transcripts/resolute-support-press-briefing-by-us-central-command-and-resolute-support-commanders-from-resolute-support-headquarters.aspx>.

Подъем афганского отделения ИГИЛ и роль талибов в противодействии ИГИЛ-Хорасан стали одной из основных причин, побудивших Россию принять решение об установлении ограниченных контактов с движением Талибан в конце 2015 года. В то же время на уровне руководства в сфере российской внешней политики и национальной безопасности крепло понимание того, что на этапе после 2014 года ни одна из связанных с Афганистаном проблем для России – ни опасность проникновения нестабильности и насилия на территорию центральноазиатских государств, ни наркотрафик – не сможет быть решена, пока в Афганистане продолжается полномасштабный вооруженный конфликт. В этих условиях Россия как евразийская держава, имеющая значительные интересы в Центральной Азии, но ограниченное влияние на ситуацию в Афганистане, начала предпринимать активные усилия в целях стабилизации ситуации в этой стране путем инклюзивного регионального мирного процесса. Это, в свою очередь, требовало налаживания более тесных контактов со всеми заинтересованными сторонами и участниками конфликта, включая талибов¹⁰⁹.

В русле этого подхода в конце 2016 года Москва инициировала свой собственный формат региональных мирных консультаций по Афганистану. В феврале и мае 2019 года в Москве также прошли заседания межафганского диалога с участием делегации талибов и ряда крупных афганских политиков, не входящих в состав правительства Афганистана, включая лидеров бывшего Северного альянса¹¹⁰. На проходившем в ноябре 2018 года очередном раунде московских региональных мирных консультаций талибы впервые публично заверили Россию, государства Центральной Азии и другие страны региона в том, что не позволят никакой вооруженной группировке использовать территорию Афганистана для создания проблем в сфере безопасности соседним странам и другим

государствам региона¹¹¹. Это публичное обещание было дано России и странам региона до того, как талибы сделали соответствующее заявление на переговорах с США, обязавшись не допускать террористов, представляющих угрозу для Запада, на афганскую землю¹¹². Россия, однако, восприняла эти заверения серьезно, но настороженно, продолжая использовать все доступные ей средства для того, чтобы заставить движение Талибан отказаться от террористических методов.

На уровне национальной антитеррористической политики, Россия, в отличие от США, оставила движение Талибан в своем официальном списке террористических организаций, в который оно входит с 2006 года, в том числе потому, что рассматривает это обстоятельство как дополнительный рычаг воздействия на талибов¹¹³. В контексте внутриафганского урегулирования уникальный вклад России состоит в подталкивании политических сил и группировок севера Афганистана к достижению общенационального соглашения с талибами, что также может потребовать предоставления им определенных неофициальных гарантий поддержки на тот случай, если такого соглашения достичь не удастся или оно развалится. На региональном уровне Россия стремится использовать свое недавнее сближение с Пакистаном и многолетнее сотрудничество с Ираном для того, чтобы содействовать более активному вовлечению

---

111 Заявление главного переговорщика талибов Шера Мохаммада Аббаса Станикзая, цит. по: Можда А.В. Московский формат консультаций по Афганистану – площадка для демонстрации позиции Талибана // Afghanistan.ru. 15 ноября 2018 г. <http://afghanistan.ru/doc/124812.html>.

112 Mashal M. U.S. and Taliban agree in principle to peace framework, envoy says // The New York Times. 28 January 2019; Round of U.S.-Taliban talks ends with progress on draft peace deal: Taliban officials // Reuters. 26 January 2019. <https://uk.mobile.reuters.com/article/amp/idUKL3N1ZQ05C>.

113 Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими (на 23 июля 2020 г.). Федеральная служба безопасности Российской Федерации. <http://www.fsb.ru/fsb/npd/terror.htm>.

---

109 Подробнее см.: Stepanova E. Russia's Afghan Policy in the Regional and Russia-West Contexts. P. 27-32.

110 Stepanova E. Russia and the Afghan Peace Process. Program on New Approaches to Research and Security in Eurasia (PONARS Eurasia) Policy Memo no. 618. – Washington, D.C.: PONARS Eurasia, October 2019. http://www.ponarseurasia.org/sites/default/files/policy-memos-pdf/Pepr618_Stepanova_Oct2019.pdf.

обеих региональных держав в мирный процесс по Афганистану. На международном уровне, поддерживая ослабление санкций ООН в отношении ряда лидеров движения Талибан, Москва, тем не менее, выступает против полной и безоговорочной отмены санкций¹¹⁴.

Посреднические усилия России по Афганистану также способствовали возобновлению ее диалога с США, особенно после того, как администрация Трампа пересмотрела свою Южноазиатскую стратегию и сделала выбор в пользу поэтапного вывода американских сил и поиска мирного решения афганской проблемы. Вашингтон перестал игнорировать московский формат региональных мирных консультаций, а Россия поддержала проведение двусторонних переговоров между США и движением Талибан. Спецпредставители США и России по Афганистану, Залмай Халилзад и Замир Кабулов, не только начали регулярно встречаться, но и вскоре перешли от диалога к триалогу с участием Китая. Впоследствии триалог превратился в четырехсторонний формат (Китай, Пакистан, Россия, США), участники которого первый раз встретились в Пекине в июле 2019 года, а затем в Москве в октябре 2019 года. При этом открытым оставался вопрос о подключении к этим консультациям Ирана. В условиях острой напряженности между США и Ираном, Россия могла бы содействовать решению этой проблемы, как с помощью своих региональных инициатив, так и путем посредничества с целью преодолеть американо-иранские разногласия хотя бы по ситуации в Афганистане. Показательно, что 28 февраля 2020 года, за день до подписания соглашения между США и движением Талибан и параллельной совместной декларации США и правительства Афганистана, Россия и США сделали отдельное совместное заявление по этому вопросу¹¹⁵. Российский спецпредставитель по Афганистану Кабулов также заявил, что соглашение между США и талибами имеет прямое значение для национальных интересов России в сфере безопасности и подчеркнул, что Россия рассматривает «прекращение войны, формирование инклюзивного афганского правительства и поддержку международного сообщества» в качестве основных условий для эффективного подавления очагов международного

терроризма в Афганистане¹¹⁶.

В конечном счете, главным способом сокращения как террористической активности внутри Афганистана, так и террористических угроз, исходящих с территории этой страны, является достижение существенного прогресса в ходе мирного процесса и, в частности, увязывание сроков вывода иностранных войск с полномасштабным, устойчивым прекращением огня между афганскими правительственными силами и талибами. При этом крайне важно, чтобы США и Россия, с одной стороны, признали роль движения Талибан в борьбе с ИГИЛ-Хорасан в Афганистане, а с другой стороны, продолжали оказывать скоординированное давление на повстанческое движение с тем, чтобы оно не только отсеклось от своих связей с международными террористическими группировками и разорвало их, но и прекратило террористическую активность внутри Афганистана. Наконец, США должны использовать свое влияние на Пакистан, а Россия, в частности, свои хорошие отношения с Ираном для того, чтобы убедить этих соседей Афганистана повлиять на движение Талибан и другие вооруженные группировки, склонив их к более активному переходу на антитеррористические позиции.

114 Замир Кабулов: США готовы сотрудничать с Россией в деле афганского урегулирования // Afghanistan.ru. 26 февраля 2019 г. <http://afghanistan.ru/doc/127090.html>.

115 Joint Statement on the Signing of the U.S.-Taliban Agreement.

116 Кабулов заявил, что соглашение между США и талибами имеет прямое значение для интересов РФ // ТАСС. 29 февраля 2020 г. <https://tass.com/politics/1125147>.